

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ

В последние годы в академических и общественно-политических средах заметное место занимают дискуссии, разворачивающиеся вокруг вопросов взаимосвязи истории и политики, значения способов интерпретаций прошлого для решения текущих политических задач. При этом в широкий оборот стали входить такие понятия как «историческая политика», «политика памяти», PublicHistory.

Термин «историческая политика» был введен в публичный оборот Ю. Хабермасом во время дискуссии немецких историков, развернувшейся в 1980-е гг., посвященной различным способам интерпретации национал-социалистического прошлого Германии. Согласно Хабермасу, историческая политика – это возможность влияния исторических интерпретаций на актуальную политику и наоборот. В целом же, историческая политика представляет собой продуманную систему форм и способов политизации прошлого в целях управления коллективной исторической памятью народа [2].

В 1980-е гг. одной из центральных категорий исторической политики становится категория «историческая память народа».

Понятие «политика памяти» впервые было использовано во Франции для обозначения тесной взаимосвязи политики и способов интерпретаций прошлого. Главным разработчиком концепта политики памяти является Пьер Нора – автор многотомного исследования и бестселлера «Места памяти» (1984-1992).

В 1990-е гг. во Франции получили также широкое распространение понятия «управление прошлым» и «долг памяти», которые сначала использовались применительно к депортации и геноциду евреев из Франции

и других стран Европы во время нацистской оккупации, а затем – по отношению к войне Франции в Алжире в 1954-1962 гг.

В каждой стране существует собственная проблематика и концептуальная база политики памяти, а также своя история сопротивления идеологическому дискурсу данной политики. Так, например, во Франции сюжеты и мифы о Сопротивлении постоянно претерпевали идеологическую деконструкцию, что нашло свое отражение в информационно-культурных практиках.

В 1980-ом году в Париже был создан Институт современной истории, который стал организовывать публичные историко-политические дискуссии с участием профессиональных историков. Дискуссии имели большое значение для исторического просвещения нации и для культуры памяти в стране.

Как учебная дисциплина и направление общественно-политической практики *public history* (публичная история) получила наиболее интенсивное развитие в американских университетах и американских гражданских инициативах. Американская стратегия *public history* нацелена на то, чтобы сделать историю понятной для общества и давать историкам образование не только для преподавания в школах и университетах, но и для освоения новых прикладных специальностей, применяемых вне университетских стен, для формирования новых социально-значимых дискурсов, репрезентирующих исторические знания и «оживляющих» память о прошлом.

В рамках движения *public history* стали формироваться новые компетенции прикладной направленности, получившие название «*applied history*» (прикладная история). К ним, прежде всего, относятся: консультации по исторической проблематике для политиков и журналистов; навыки в области интервьюирования очевидцев исторических и политических событий; овладение нарративами, нацеленными на популяризацию исторических знаний в массовом общественном сознании (поп-история); навыки в области музейного дела, городского исторического

дизайна, организации мест памяти, городской семиотики. В отдельное направление выделяются компетенции, связанные с маркетинговыми PR-стратегиями, в частности – написание истории организации, фирмы, бренда и т.п.

В Германии, в отличие от США, *publichistory* развивалось внутри гражданских объединений, вне рамок университетской среды, получив название «Новое историческое движение» (Neue Geschichtsbewegung). Основная стратегия состояла в развитии практик самостоятельного изучения истории, ориентированных на жизненный опыт и конкретную социальную среду. Общей целью для инициативных групп, действующих в различных местах, было рассмотрение истории с позиции «обычных людей», так сказать, с точки зрения людей, «затронутых историей». Это вылилось в стремительный рост потребности в истории «снизу», связанной с притязаниями на включение рядовых граждан в процесс осмысления истории. Основными формами работы были общественные семинары по актуальным проблемам истории, а также инициативный сбор данных о прошлом, опрос и анализ личных свидетельств. Новое историческое движение представляло собой гражданский вызов как для традиционной политической истории, так и для исторической социологии.

Концептуальным тезисом «Нового исторического движения» стал слоган «Копай, где стоишь» (Grabe wo du stehst). В его основе лежала идея о том, что каждый может быть компетентен в собственной истории – то есть в сфере, в которой он живет и работает. Исторические семинары перенесли этот подход на локальные контексты, районы города, деревни и предприятия, желая утвердить «альтернативную демократически-кооперативную практику исторического исследования», которая была бы «свободна от профилирующих ритуалов академической исторической науки».

В последние годы в Германии *publichistory* получила статус самостоятельной академической дисциплины. Она входит в состав магистерских программ университета Мангейма (программа «История –

наука и публичная сфера»), Свободного университета Берлина (программа «Публичная история», существующая с 2008 года), Университета Гейдельберга (программа «Public History» создана в 2010 году). Магистры, получающие указанную специальность, часто оказываются востребованными в издательском деле, в СМИ. Поэтому в процессе обучения большое внимание уделяется формированию медиальных компетенций [1]. Учащиеся также получают квалификацию в сфере проектного менеджмента, event-менеджмента, медиарилейшнз. Особенностью гейдельбергского направления public history можно назвать особую чувствительность к этическому аспекту диалога истории и публичной сферы.

В современной России историческая политика пока не получила ни гражданского, ни академического статуса. Однако в СМИ активно развиваются медиа-жанры publichistory в виде разнообразных ток-шоу: «суды истории», интервью с очевидцами исторических и политически-значимых событий, совместные «круглые столы» историков и гражданских активистов. Кроме того, в России существует мощная традиция исторической документалистики, которая в последние годы активно развивается и требует обеспечения компетенциям специального профиля.

Актуализация стратегии исторической политики в последнее время была озвучена в верховных институтах политической власти страны. Совсем недавно появился президентский заказ на единый учебник истории для средней школы, который мог бы способствовать выработке общественного консенсуса в области межэтнических отношений. В ответ на вызов, брошенной властями историческому сообществу, в СМИ стали проходить публичные дискуссии относительно самой возможности появления единой концепции относительно истории России. На телевизионном канале «Дождь» (эфир от 27 февраля 2012 г.) были представлены две альтернативных точки зрения по данному вопросу. Согласно одной точке зрения, достижение консенсуса в отношении спорных моментов в истории России, в частности, оценки сталинизма и причин распада СССР, вполне возможно, если

рассматривать российский исторический процесс с позиции общемирового исторического контекста (позиция группы историков из Высшей школы экономики). С точки зрения известного историка и журналиста Н. Сванидзе, при создании универсального школьного учебника по истории России существует угроза создания труда наподобие «Краткого курса истории ВКП (б)» под редакцией И.В. Сталина, в котором история была препарирована под углом зрения определенной политической конъюнктуры и сопровождалась существенными искажениями фактов.

Одновременно с официальным политическим заказом на единый учебник истории России, в отечественных СМИ разворачиваются альтернативные версии современной истории политики, которые также требуют своего компетентного анализа как со стороны исторического экспертного сообщества, так и со стороны независимых гражданских ассоциаций. Речь, прежде всего, идет об истории постсоветского исторического периода и об оценке протестного движения последнего времени. Известно, что в общественное историческое сознание с подачи политической элиты было введено в оборот понятие «лихие девяностые», на которые стали списывать все просчеты в области экономики и причины глубокого социального расслоения российского общества начала 2000-х гг. В «лихих девяностых» усматриваются также корни современной коррумпированности властных структур и чиновничества разных уровней. Наблюдая, с каким упорством представители партии власти, а именно, — партии «Единая Россия», отстаивают данную версию первопричины беспрецедентного размаха коррупции в стране, приходишь к выводу, что в настоящее время именно данная версия будет положена в основу проекта истории России постсоветского периода. Протестное же движение, согласно проектной официальной версии, скорее всего, будет представлено в качестве маргинального историко-политического явления, лидеры которого, вроде А. Навального и С. Удальцова предстанут в роли мелких, но амбициозных

жуликов, наподобие попа Гапона, толкающих массы на авантюрные и опасные действия.

В целом, в дискурсе еще до конца не оформившейся российской официальной стратегии исторической политики или *publichistory* просматриваются следующие целевые установки:

1. легитимация политического режима посредством выработки единого универсального подхода к интерпретации прошлого;
2. внедрение в общественное сознание таких версий исторического прошлого, которые полностью соответствуют установкам официального политического курса;
3. консолидация общества на основе символов исторического прошлого и конструирования новых символов, мифов, ритуалов и государственных праздников в целях укрепления общероссийской идентичности и национального единства;
4. усиление государственного контроля над системой исторического образования и патриотического воспитания граждан России;
5. организация активного теоретического и информационного противодействия всем возможным альтернативным версиям официальной истории страны и мобилизация политических и гражданских сообществ, а также СМИ на борьбу с фальсификациями отечественной истории;
6. создание академических, общественных и государственных структур, направленных на пропаганду национально-консолидирующей концепции истории России.

Как идеологический конструкт дискурс исторической политики может быть представлен следующими логическими моделями: 1) поляризованная инверсионная модель по бинарной схеме: «враг-друг», «патриот-предатель»; 2) консенсусная модель (международное, межэтническое и межтерриториальное согласование версий исторических событий); 3) плюралистическая модель (уважительное отношение к альтернативным версиям и трактовкам исторических событий и персоналий); 4) «зеркальная»

модель по схеме: «они о нас», «мы о них». Однако, учитывая официальную интенцию формирования единого и массового представления о прошлом в контексте апологии авторитарной «ручной» демократии, приоритетной в ближайшее время, скорее всего, станет модель безальтернативной этатистско-ориентированной версии исторического пути России.

Литература

1. Аккерман Ф., Аккертман Я., Литке А., Ниссер Ж., Томанн Ю. Прикладная история, или Публичное измерение прошлого // Неприкосновенный запас. 2012, № 3 (83).
2. Русакова О.Ф. Современная политическая философия: предмет, концепты, дискурс – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2012. С. 238-244.

Чесноков А.С.,

г. Екатеринбург

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ И ПОДДЕРЖКИ РУССКОГО ЯЗЫКА ЗА РУБЕЖОМ

На рубеже 1980–1990-х гг. некоторые страны Западной Европы, большая часть стран Восточной Европы и бывшего СССР, испытывавшие острую потребность в поиске новой идентичности, столкнулись с массовой иммиграцией, приведшей к появлению многочисленных диаспор. Многие из этих государств оказались не готовы к изменению общественной структуры в сторону полиэтничности и поликонфессиональности, а предлагаемая интеллектуалами идеология мультикультурализма входила в радикальное противоречие либо с глубоко укоренными в менталитете традиционными со времен установления Вестфальской системы идеями нации-государства (у западных европейцев), либо с потребностью в форсированном нациестроительстве (у восточных европейцев и на постсоветском